Что вообще такое — «куртуазный маньеризм»? Сталкивавшиеся с ним с понимающей улыбкой покивают головой. Для тех, кому пока не довелось познакомиться с этим поэтическим течением — один из множества примеров.

«Вы опрокинули бокал На светлый мой костюм; Я лишь глаза на вас поднял, Я был во власти дум. Застыли верные друзья, Прервав беседы строй. «Как смели вы, — подумал я, — Так поступить со мной?» Как допустил беду Господь, Небесный сея свет? Пылает, как живая плоть, вечерний туалет.... Здесь я учтиво произнёс, Смутившись, как всегда: — Костюм не стоит ваших слёз, Какая ерунда!»

И это ещё из невинных! (О, вот и каламбур! Ну, предмет разговора обязывает).

И здесь, чтобы не углубляться в литературоведение, я отсылаю читателя к Википедии — и думаю, что по прочтении статьи «Орден куртуазных маньеристов», ему захочется продолжить знакомство и продлить удовольствие. Впрочем, с основателем Ордена, творчество кавалеров которого уже изучают в вузах (не только российских) и о котором уже написано немало критических работ, вы можете познакомиться прямо сейчас.

Милости просим: Виктор Пеленягрэ (процитированные выше строки — его). Беседовать с ним — мечта для журналиста: даже не надо задавать вопросов, достаточно задать направление. И он сам всё расскажет. И даже более того...

«КУРТУАЗНЫЙ МАНЬЕРИЗМ — ЭТО Я»

— Куртуазность — остаётся ли это в вас через десятилетия или с нею покончено?

— Куртуазный маньеризм — это я. Я придумал это последнее великое литературное течение. Как может быть покончено со мной? А все остальные — подражатели или замечательные интерпретаторы.

— А почему тогда титул «Великого магистра» был за Вадимом Степанцовым?

— Он прекрасный администратор и организатор. И в силу

того, что я ленивый, а он... пронырливый, скажем так. А мне это не очень было интересно. Мы написали совместный манифест для Ордена, а потом к нам присоединились и остальные кавалеры: Андрей Добрынин, Константин Григорьев, Дмитрий Быков, Александр Бардодым... Вот это золотой состав. Все последующие — инициатива человека, назвавшего себя «Великим магистром»... А я — Архикардинал и идеолог... и вдохновитель всех литературных побед.

«Куртуазный маньеризм» — одно из гениальных изобретений в литературном мире! Мы не уклонялись, не прогибались, не заблуждались. Я например, как ставил высоко женщин, как любил красивую жизнь, это, как говорят итальянцы, «божественное ничегонеделание», так и по-прежнему это культивирую. И считаю, что только так и создаются лучшие произведения в изящной словесности. Остальные кавалеры Ордена делали бесконечные попытки уклониться от моего могучего влияния, когда они создавали, например, «киберманьеризм» — это даже звучит смешно.

— Что же, осталось лишь великое и могучее течение, а с Орденом покончено? Всякие поэтические объединения обречены на скорый распад — Лефы, Рефы, «Серапионовы братья», Евтушенко-Вознесенский-Рождественский и прочее? Пушкин прав — «ты царь, живи один»?

— Ну, как это всегда бывает, все разошлись, это естественно. Только один кружок французских литераторов просуществовал 35 лет. Мы продержались вместе около семи, это долго. Всё начало рушиться в 1992 году, когда погиб Саша Бардодым. Это не значит, что когда погибает член экипажа, корабль перестаёт существовать. Как говорил Константэн Григорьев, которого тоже уже нет с нами, — «Мы уже в вечности, брат...» Может, вы скажете, что те песни, которые я написал, не в вечности уже? «Как упоительны в России вечера»? Это ещё в восьмидесятые годы. Добронравов положил на музыку лет через десять.

«ПЕСНЯ ПИШЕТСЯ БЫСТРО – ИЛИ НИКАК»

— А первую песню свою я вообще написал за девять минут при условии, что управлюсь за десять. Для «Бригады С» Гарика Сукачёва, первого его магнитоальбома, «Ностальгическое танго» называется. Выиграл на этом споре бутылку коньяка и путёвку в бессмертие, ха-ха. Тут нужно отдать должное Степанцову, он тогда писал для какого-то ансамбля и говорил, что это долгое дело, а я сказал ему, что на самом деле песни пишут очень быстро — или никак.

— Теперь, по прошествии лет, — что главное могли бы

сказать о каждом из членов Ордена?

— Я всегда говорю, что нельзя предавать идеалы молодости. Мне было очень грустно, когда Степанцов, пленившись ничтожными личностями, впрочем, себе под стать, начал атаковать своих друзей. На меня обрушились, не выдержав славы, которая меня настигла после «Вечеров». Мы можем друг друга обижать, подначивать за пиршественным столом, в своей компании. Но нельзя открыто принимать сторону чужаков, ничтожных зоилов-критиков. Какие бы они ни были, это друзья твои.

Я очень любил Сашу Бардодыма, самого чудесного нашего человека.

Добрынин... мама его всё время ему твердила — вот посмотри на Пеленягрэ, его все знают, а ты? Но вот как объяснить маме Добрынина? Он всю жизнь жил с мамой, никогда не отправлялся в свободное плавание.

В начале девяностых у меня одна за другой выходили книги. Некоторые — трёхсоттысячным тиражом. Появлялись песни, которые запела вся страна — «Девочка моя» Крылов исполнял, «Я вышла на Пикадилли», «Акапулько» — Вайкуле, «Хулиган» — Аллегрова, «Шарманка» — Басков...

И вот такие нападки от своих... Я вышел из Ордена один из первых, чтобы не травмировать их. Дима Быков тоже примерно в это же время ушёл в свободное плавание — я его понимаю, потому что Степанцов без конца его третировал, посылал за водкой... И хотя это нормально, младших всегда посылают, но он не выдержал этого бесконечного унижения. Например, как-то зашли в «Московский комсомолец», быстро, прямо на коленке написали какую-то заметку, а наша подружка, Елена сразу отдала её в печать. А в ней что-то вроде — мы ездили в какой-то бордель, устроили там скандал, а Быков вступился за честь падшей девушки... А Дима в это время как раз женился... Он начал писать опровержение, топать ногами, вышел из Ордена... Ну, в общем это была такая игра, хотя Быкову такая игра... Ну что, и обо мне такое писали, но я же спокойно относился.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

— Поэт должен быть вне политики или как?

— Так скажу. Мне нравится Афанасий Фет, который печатался то в мракобесном каком-нибудь издании, то в суперлиберальном. И когда ему говорили «Вы же беспринципный», отвечал: «Если грубый сапожник Шмидт будет издавать листок под названием... (тут следовало неприличное слово), я всё равно бы там печатался. Стихи очищают».

Я был всегда поверх барьеров. Я вот написал гимны всем партиям. От «Союза правых сил» со

строчками «Олигархи, вперёд, а над Родиной дым, наше правое дело и мы победим» и «Единой России», который пело «Золотое кольцо» до замечательного гимна коммунистам... Там слова были «Речка за смородиной, пушки, кавалерия, До свиданья, родина, Красная империя». Ещё «зелёным» написал...

Поэт такого уровня, как я, должен объединять, а не разъединять.

— Вас даже пытались записать в «куртуазные постмодернисты»...

— Постмодернизм присутствует в любом творчестве! Это я говорю как человек с двумя высшими образованиями и каменщик-монтажник четвёртого разряда. В моей училищной группе один сел за убийство, двое за вооружённое ограбление, четверо за изнасилование, остальные по хулиганке пошли. Это к тому, в какой среде я учился и где формировался.

Так что вся литература — это не что иное, как постмодернизм. «Дон Кихот» — вообще квинтэссенция постмодернизма.

О БРОДЯЧИХ СТРОКАХ

Меня, например, часто обвиняли то в плагиате, то в использовании чужих строк. По этому поводу я ответил в эссе «Разбойники с большой дороги». Вот у Пушкина самая знаменитая строчка какая?

— Так... Если насчёт использования чужих строк... «Я памятник себе воздвиг...»? Державинские слова?

— «Гений чистой красоты!» Это Жуковского строчка. А лермонтовское «Белеет парус одинокий»? Эта строчка Бестужева-Марлинского! У Пеленягрэ знаменитая строчка? — «Как упоительны в России вечера». Он сочинил её сам! А вообще — ещё Сенека как писал в «Нравственных письмах к Луциллию»? «Все, что сказано хорошо, — моё, кем бы оно ни было сказано».

— Да, то же и со строками Андрея Туркина из стихотворения «Посмотришь на небо — там звёзды одне...». Тогда Степанцов особенно негодовал. Хотя по мне, если честно, это обычный перепев, перифраз, который в поэзии используется сплошь и рядом, а уж в куртуазных-то целях... Да Лафонтен вообще переписывал басни Эзопа пачками, а дедушка Крылов потом перекладывал Лафонтена с французского на русский — и что? Шекспир, Мольер, Пушкин вовсю пользовались «бродячими сюжетами». И чем хуже «бродячие строки»? Тем более это уж точно постмодернизм.

— Я вот никогда не прощу Солженицыну то, что он наехал на нашего великого Шолохова, усомнившись в его чистом авторстве «Тихого Дона». Якобы он у кого-то там списал! И вообще

Солженицын бодался не с дубом, а с нашей великой Родиной. И этого я ему тоже не прощу.

— Так критика, шире — литературоведение простому, обычному читателю, не филологу, нужны или нет? «Нравится-не нравится», вот и критерий...

— Конечно, нужны. Как можно без Тынянова, без блестящего Писарева? Главное назначение критика — обострять нашу любовь к литературе. Да я сам написал в пединституте дипломную работу о творчестве Пастернака, Рильке и Цветаевой. И мой замечательный профессор Елена Спиридоновна Себешко сказала: «Виктор, вы знаете, что вы написали?»

— Неужели докторскую?

— Да! Сказала — «А вы написали докторскую». Вот, и благодаря отрывкам из этой работы я потом помог нескольким девушкам поступить в Литературный институт, между делом...

ВСЁ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

— А что вы скажете о современной русской поэзии, постсоветской?

— У неё какой-то локальный, университетский масштаб. Поэтов много, но все как-то варятся в собственном соку. Мы всё-таки были нацелены на всенародную славу. У нас уже не будет таких, как Евтушенко. Общество сегментировалось. Раньше стать знаменитым было гораздо легче: было одно радио и одно телевидение. Теперь в одной Москве ежедневно появляются тысячи песен. И редкие хорошие просто теряются, производится слишком много товара. При этом количество хороших песен за один год, начиная с «Шумел камыш, деревья гнулись», осталось одинаковым.

Россия — страна, где любят хорошие стихи. Если их не будет, никогда не будет и хороших песен. Вначале всегда слово! Вот и Раймонд Паулс написал музыку на моё стихотворение «Я вышла на Пикадилли» впервые в своей жизни. А так-то на его музыку пишут тексты.

Я всегда писал стихи, не целенаправленно песни. Но вот в 1992 году, чтобы не умереть с голоду, когда не было ни еды, ни жилья, ни денег, ни работы, ничего — наступил момент выживания. И я подумал, что выжить я смогу при помощи песен. В семнадцать лет я дал себе зарок никогда не работать — ну вот, и благодаря песням я и не работал никогда.

— А писание стихов нельзя разве назвать работой?

— Я могу, конечно, сказать — «о да-а, это большо-ой труд!» и что там ещё Маяковский говорил насчет тонн руды ради грамма радия... Но у меня язык не повернётся назвать это работой.

Маяковский, конечно, прав, он гениальный поэт. И мы любим себя выставлять бездельниками. Но самое страшное зверство, навязанное человечеству — это ежедневный с девяти до шести труд. И я этого избежал!

Какое-то время, как мы развалились, был продажным репортёром. Пошёл в «Московскую правду», где были блестящие приложения к газете — «Новый взгляд», «Ночное рандеву». Евгений Додолев там ещё работал, Отар Кушнашвили, серьёзные ребята. Мне дали очень маленькую зарплату, и я подумал: а ведь не проживу на неё... И через неделю открыл себе рубрику «Летопись столичных рестораций». И тут мне покатило! Тогда повсюду открывались рестораны. Я был лучший ресторанный критик, кабатчики меня обожали! Я приходил с оравой бездельников и девиц, мне расстилали поляну... Это было прекрасно!

— Что — всех прям так и хвалили?

— Не-ет! На тех, которые меня плохо кормили, я обрушивал праведную ярость. Это, кстати, продолжалось довольно долго, года два. Я приходил и говорил: «Пацаны! У вас гениальный кабак! Но ведь о нём никто не знает! Вот почему знаменит парижский кабак «Максим»? А кто там сидел? Там сидели бандиты в основном. Они спрашивали: Почему? А потому, отвечал, что у него есть пресса! Я могу вас прославить! Они спрашивают: сколько? Я говорю — ну, в этот номер уже тяжело... всё уже почти свёрстано... Они говорят: ну, десять тысяч? Говорю — четыреста! И мы сдвигаем всех! Брал тысячу долларов за небольшую статеечку...

После ужасов голода я стал богат! Ну, по тем временам, конечно. Разъезжал в экипажах с дорогими красавицами и прекрасно себя чувствовал. Но потом понял, что это путь в никуда.

— Рестораны кончились?

— Нет. Начались песни, начался шоу-бизнес, и я перешёл в него.

— Выгоднее показалось?

— Показалось, что интереснее. Но при условии, что ты пишешь великие песни, и выгоднее. Я же не писал какую-то хрень типа «Ты морячка, я моряк»... И сколько ещё у меня стихов, на которые музыка не написана, о! Самые лучшие песни на стихи Есенина когда появились? Тридцать лет спустя после его смерти. А моя песенная судьба только начинается!